

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДИЛОГИЮ “РЕВОЛЮЦИЯ – РЕФОРМА” В УКРАИНЕ ЭПОХИ ДОСТИЖЕНИЯ ЕЮ ПОЛИТИКО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Наукові праці МАУП, 2014, вип. 2(41), с. 11–23

*Думаем – анализируем,
выносим суждения, не приговоры.*

(Продолжение. Начало: см. № 1 (40) “Наукові праці МАУП”. 2014. – С. 237–247).

V. Поближе к общемировой теории, рефлексизирующей текущие украинские революциолого-реформациологические реалии

Вернемся к теории обсуждаемого вопроса, памятуя ментосентенцию великого ученого **А. Эйнштейна**: “Для успешного решения любых животрепещущих проблем самого что ни на есть практического свойства, ничего нет более ценного для руководства, чем фундаментальная теория” [24, 119].

В любой исследуемой области жизни на первой же познавательской стадии мы оказываемся “перед необходимостью выяснения того, что собой являет данный предмет, чтобы затем можно было бы заняться теми изменениями, которые с ним происходят” [16, 303]. И это не все. Во всемирной саентологии еще со времен **Р. Декарта** доминирует временами плохо понимаемая многими эпистема: предмет любой научной идеи, концепции, теории, — прежде чем “передать практике на апробацию”, — его необходимо верифицировать в призме общей методологии научного познания.

Два десятилетия к ряду эту эпистему я себе растолковываю таким образом: про “методологию вообще” (или “в общем плане”) нельзя говорить, **надо говорить предметно о предмете**. Это четко прояснится, когда “до тошно допросим” и саму методологию в три-

координатной призме. Иначе говоря, понятие “методология” (науки вообще или конкретного научного предмета) должна ответить на три вопроса: 1) каково принципиальное устройство изучаемого предмета? 2) каков внутренний источник саморазвития изучаемого предмета? 3) какова система взаимосвязей изучаемого предмета с другими предметами и явлениями окружающего мира? [5, 124; 9, 117].

Вразумительные и односмысловые ответы на эти вопросы представит нам исследуемый предмет: “в его необходимости, в его всеобщих взаимосвязях, в его противоречивом движении...” [15, 193]. В этой методологической призме наш познаваемый предмет — диалогия “революция – реформа” — наиболее прозрачно высвечивается в трех концептуальных точках: 1) общая типология революций и реформ как социально-политических явлений, 2) многофазисное самоконституирование революций и реформ как социально-политических явлений и 3) механика развития революций и реформ как продолжительных процессов, а не эпизодических актов.

Главным зондируемым теорией вопросом вокруг исследуемого предмета является общая его типология. Пунктирно выскажусь в самых исходных чертах. Отныне и до конца изложения материала: без претензий на особую детализацию и учет “всей конкретики прошлой ситуации” лишь коснусь некоторых

революциолого-реформациологических реалий эпохи политико-государственной Независимости Украины.

Всемишлимые революции и реформы обобщенно называются **“социальными”**. Те же социальные революции, которые касаются преобразовательских дел в отдельных сферах и отраслях общественной жизни, называются **частными**: экономическая, аграрная, культурная и др. То же касается реформы: политическая, административная, рыночная, этнокультурная и др. Когда же речь идет об общественных делах и проблемах узкоспециальных, перед нами уже революции и реформы **специфические**: структурная, менеджерская, языково-этноменьшинская, секс-меньшинская, феминистская, инфраструктурная и др.

Абстрагируясь от деталей, лишь номинальным маркером коснемся украинской политико-суверенизационной практики последнего тридцатилетия. В этой аксиологической призме “мовно-правозахисна революція українських гельсінкських борців” 70–80-х годов XX ст., а также “студенческая революция на камнях” от октября 1990 г. явно предстают в качестве частных, а “оранжевая революция” **В. Ющенко – Ю. Тимошенко** 2004–2005 гг., без сомнения, специфическая (или, как ее в мире назвали, – “цветная”). С более серьезным основанием социальной называем “Евромайдановую революцию” 2013–2014 гг., которая еще продолжается, не обнажив всех своих социально-политических черт и типологических характеристик.

Все социальные революции имеют (должны иметь) **свою социальную базу**. Это – общественные слои и группы людей, которые объективно заинтересованы в радикальном преобразовании каких-то своих отношений и институтов в соответствующих сферах и отраслях общественной жизни. В процессе развертывания имярек революции/реформы их социальная база непременно деформируется попеременным сползанием **под** или восхождением **над** своей векторной “базовой ватерлинией” (**П. А. Сорокин**) перспективного развития. Эта “колебательская волна” свидетельствует о суживании/расширении объема

социальной базы конкретной революции/реформы.

Революции и реформы, созревающие ниже сорокинской “ватерлинии”, принято называть **“низовонародными”** или “...снизу”. Те же, что созревают выше той линии, а то и вообще “кем-то сверху затеваются”, – их называют **“верхушечными”** или “...сверху”, а то и оцениваются французским сленгом “*coup d'état*” (государственный переворот). Упомянутые “языково-правозащитная” и “студенческая” революции были верхушечными, а “оранжевая” к своей “верхушечности” добавила четкий акцент французского “*coup d'état*”.

Революции/реформы, созревшие в самых глубинах народных низов конкретной страны и конкретного времени, их принято называть **народными**. Однако, объективные социально-политические и этико-культурные **характеристики самих народных масс** впоследствии, в ходе самого реверспроцесса неминуемо проявятся разносмысловым образом. Например, несомненно позитивные качества задействованных слоев и групп народных масс “на выходе” дали образцовые административные реформы **Ришелье** во Франции первой половины XVII ст., революции Мэйдзи в Японии конца XIX ст., “кастриальной реформы” в Чили осенью 1975 г., а резко негативные качества народных низов “на выходе” дали “ретро-Вандею” во Франции XVIII ст. и “плебс-революцию Шариковых” в Петрограде 1917 г.

Еще с начала XVI ст. поднят дуальтернативный вопрос о революции как кратковременном **акте** или длительном **процессе**. Реформация **М. Лютера** экстраполировала эту постановку вопроса и на реформу. Уже в годы эпохи Позднего Средневековья **Т. Мюнцер** и **Ришелье** презумову подтвердили: и революция, и реформа в конкретных историко-политических ситуациях могут проявиться и актами, и процессами, – все зависит от того, **какого динамического подтипа окажется конкретная революция/реформа**. Со второй половины XVII ст. стали выделять такие **парноантонимические подтипы**: революции/реформы 1) стремительные и вялоте-

кущие, 2) кратковременные и многолетние, 3) протекающие на виду у всех и латентные (скрытые).

Все социальные революции (и некоторые социальные реформы) основными своими предпосылками начинают созревать в недрах старого состояния общества. Первые сигналы “социального брожения умов” — это и есть свидетельства возникновения **феномена революционной/реформационной ситуации**. Однако, не все ситуации перерастают в революцию/реформу. Тут-то и встает сакраментальнейший вопрос: кто/что есть тому объективная причина? Французские якобинцы конца XVIII ст. впервые четко указали на эту причину: весь секрет, мол, заключен в степени зрелости, мере сплоченности, кадровом объеме, составе и психнастрое **“политической армии революции”** (это понятие впервые в 1790 г. применил француз **Л. Сен-Жюст**). По отношению к реформе это понятие впервые было применено венгром **Й. Йотвешем** в 70-х годах XIX ст. [8, 29–30].

В условиях Нового и Новейшего времен политические армии революций:

1) обязательно имели функциональную, нередко — символическую связь с военно-фронтowym феноменом;

2) отдельные их фрагменты (отряды, структуры) просто являли собой **вооруженные формирования**;

3) а с конца XIX ст. политические армии всемыслимых революций и отдельных реформ ферментировали уже **легальные** или **латентные политические партии**.

Если микрогруппы бизнесменских “любих друзів” **В. А. Ющенко – Ю. В. Тимошенко**, пусть и условно, акцептировать в качестве политической армии “оранжевой революции” 2004–2005 гг., то военно-политические аспекты этой революции проявились задолго до формального начала революции, то есть на этапе революционной ситуации 2000–2003 гг. (убийство **Г. Гонгадзе**, **Ю. Кравченко** и **Г. Кирпы**, “дело генерала **Пукача**”, “пленки майора **Мельниченко**” и др.). Партии, поддержавшие эту революцию, уже на парламентских выборах 2006 и 2007 годов ... растаяли в пустоту. Зато “евромайдановая

революция” 2013–2014 гг. изобилует и стихийно-народным, и военно-политическим, и партийно-политическим материалом, — далеко еще не весь наружу проявившийся. Ее политическую армию “цементировали/цементируют” три группы партий: 1) парламентские (“Батьківщина”, “Свобода”, “Удар”), 2) полулегальные военно-политические (“Тризуб”, “Братство”, “Партия ветеранов Афганистана”, “Третья украинская республика”) и латентно-подпольные, недавно “высветившиеся” (“Правый сектор”, “Патриоты Украины”, “Спільна справа” и др.). Не будучи ни бравурным оптимистом, ни пасмурным прогнозистом, — я могу лишь осторожно предположить, что только что отмеченная “революционная многоцветная партийно-политическая мозаика” в определенных обстоятельствах “неизвестного завтра” может метаморфознуть в одно- и многоцветную контрреволюцию.

Вопрос о **соотношении революции и контрреволюции** не нов. Эта политологема как разновидность философской корреляции “явления – антиявления” возникла в годы динамичного развития Великой французской революции конца XVIII – начала XIX ст. Упомянутый выше **Л. Сен-Жюст** “обнаружил” этот феномен в коллизиях межпартийных взаимодействий того напряженного времени, назвав его “контрадействующим антиподом революции в стыковых точках межгруппового дисконтакта” [8, 30]. В дальнейшем визави-лидеры и группы — носители конструктивных и деструктивных идей (установок, целей, ориентаций) — стали складываться/переплетаться в революционно-контрреволюционные “лаокооновские узлы”. В публицистической и научной литературе евролатинских и латиноамериканских стран с тех пор революционеры стали именовать “камарадос”, а контрреволюционеры — “контрас”.

Сто пятьдесят лет спустя после французов это явление обнаружил **Б. Рассел**, придав ему уже “чисто лидерски-партологическое обоснование”. Будто заглянув в наши текущие реалии, он выделил две группы **“партийно-лидерских контрреволюционеров”**. *Первая*

группа — это лидерские фигуры, которые считают, что “их собственная политическая партия состоит из хороших людей, а оппозиционная — из плохих”. **Вторая группа** — это те контрасты, которые “всегда убеждены в том, что хорошее правительство — это правительство только их группы, а плохое — это правительство другой группы” [20, 166].

Небезынтересно заглянуть в историолого-праксеологические глубины обсуждаемого вопроса. Приведенные аксеологемы сформулированы **Б. Расселом** в 1969 г., буквально накануне кончины. Они — плод его анализа неоднозначных событий в ряде тогдашних социалистических стран (Венгрии, ГДР, Польши, ЧССР и др.), которые в 50–60-х годах XX ст. “опытно апробировали” лаокооновое переплетение революционных и контрреволюционных проектов социально-политического развития. Вот лишь одна из его синтез на этот счет: материализация (в названных странах) отмеченных им двух разнополюсных концепций “делают общественную жизнь невозможной”, ибо ни одна из указанных групп партий, “ставши властью, объективно не в силах заботиться об интересах всех людей...” [20, 166–167].

Не могу отвязаться от впечатления, что приведенные расселовские наблюдения и обобщения пятидесятилетней давности ... концептуально адресованы нам. В Украине текущих дней действуют и взаимодействуют те же две группы политических партий, в социообразовательском процессе ситуативно проявляя себя то революционно, то контрреволюционно, то лаокооноподобным образом...

Первая группа — это апробированные на политической сцене парламентские партии (“Батьківщина”, “Свобода”, “Удар”), которые уже третий год кряду выступают под революционно-конструктивными знаменами. Два года тому они начали революционную кампанию “Повстань, Україно!” Осенью 2013 г. страна действительно восстала, особо зримо и ощутимо — ее западные регионы. Разрушив почти до основания свои областные центры и систему властвования местными народнохозяйственными делами, западноукраинские

“пьемонтцы” двинули на Киев, — и так был зачат “Евромайдан”, переросший в “просто-Майдан”, окончательно разрушивши дотла центр Киева. За подобный контраст-революционаризм никто не может рассчитывать на благодарность ни перед современниками, ни перед наследниками. А партии и их лидеры?... Неуемно революционизируя Майдан, они отвлекли от работы и мирного образа жизни две трети населения страны, приведши ее на тартарарскую грань гражданской войны. Иначе говоря, пусть и на время, они оказались в статусе контрреволюционного фактора, — в аналогичном положении гетевского мальчика — ученика чародея, который (мальчик) стал тонуть в волнах возбужденной им же воды, ибо же позабыл пароль чародея-учителя...

Другая группа — это еще полгода тому малоизвестные ультрареволюционные партии (“Правий сектор”, “Спільна справа”, “Українські патріоти” и др.), которые на целно-деструктивных началах **сразу же включились в контрреволюционный процесс**. Довольно рано обнаружила себя их тактическая установка на полное разрушение **управленческой вертикали**: “центр — область — город — район — местность” (еще недавно носившей название “президентской вертикали”). Уже на конец января сего года **вторая группа** партий не просто “пришла на помощь” **первой группе**, а полностью устранила ее с лидерских позиций и в стране, и на киевском Майдане.

“Плоды взаимодействия” этих двух групп политических партий налицо: центр столицы сожжен; разрушены 15 из 25 областных госуправленческих центров; в руинах система политического правления страной из единого центра; на юго-восточных перифериях бал правит этнополитический сепаратизм; в огромной, ранее считавшейся “супертрудящейся”, стране никто не работает, вследствие чего экономика пребывает на краю дефолтной пропасти. Осознают ли лидеры этих партий свою политико-ответственную причастность к подобным результатам революционно-деструктивной деятельности? Покажет время...

Анализ мирового политического опыта свидетельствует: на разных **фазах революционного процесса** в одной и той же стране указанные лаокооновские узлы и образуются, и “затягиваются”, и “расслабляются” далеко не во всякой обстановке и далеко не с одной и той же силой и динамикой. Ибо же это зависит от некоей **совокупности объективных обстоятельств**. В частности, это зависит от:

1) степени зрелости социальной базы революции;

2) меры силы/бессилия политической армии революции;

3) контекста соотношения внутренних и внешних факторов и революции, и контрреволюции [4];

4) степени зрелости и меры внутренней консолидированности партийно-политической системы революционизированной страны;

5) **фазы зрелости самого революционно-го процесса** в конкретной стране.

Последнее обстоятельство заслуживает особого акцентного внимания как с точки зрения теоретико-историологической, так и особенно с точки зрения конкретно украинской текущей ситуации. Сама же по себе постановка вопроса о политико-социологическом содержании **понятия “революционная фаза”** (в иной редакции — “фаза развития революционного процесса”) имеет интересную в познавательном смысле предысторию.

В 1868 г. в эпизодичном интервью по поводу 20-летия серии революций середины XIX ст., упомянутых выше под романтическим названием “весна народов”, **О. Бисмарк** заговорил о феномене **“многофазисного развития всякой революции”**. Из умозрительского “множества” и для краткого комментария он выхватил лишь три фазы: 1) “романтическое зачинание революции”, 2) “многотрудное реформирование политических основ жизни общества” и 3) “фазис пожинания неожиданных итогов революции”. Упреждая нежелательные дополнительные вопросы аудитории, Бисмарк обрисовал обобщенный образ “среднетипической трехфазной революции”: 1) первую фазу революции “затевают **наивные молодые романтики**”,

2) вторую фазу “расчетливо проводят **профессиональные авантюристы**”, 3) в конце третьей фазы “жатву пожинают доселе **скрытые негодяи**” [2, 69–70].

Из этой, несколько деликатной, коллизии без подробных комментариев извлекаю лишь **три общезначимые теоретические идеи**: 1) всемыслимые по типу и виду социальные революции не являются одноактными или кратковременными событиями, — все они являются **многофазисными/полистадиальными процессами**; 2) все социальные революции, как правило, должны пройти (однако замечу: далеко не все революции, в том числе украинские, прошли) четыре стадиальные фазы развития; 3) главной и центростремительной во всем процессе является **фаза завоевания политической власти** (в более употребительной редакции — **фаза политической революции**).

Коль речь веду о теоретико-научных материях, не могу не коснуться одного идейно-познавательного атавизма “в двух редакциях”. 1. Во второй половине XX ст., — особенно же после помпезностей по поводу 50-летия Великой Октябрьской революции (1967 г.), — “на фоне” этой **социальной** революции все иные революции в других странах мира обобщенно называли “социалистическими”. То есть, путаница была двойная, ибо к одному социально-политическому типу сводили разновидовые перевороты в политической сфере разноуровнево развитых стран. (С легкой руки редактора, этот атавизм проявился и в названии моей докторской монографии 1987 г.: вместо “социальной...” — “социалистическая...” [4].) Этот грех — не прошлое: буквально на днях в “научной телепередаче” (февраль 2014 г.) к “типу цветных революций” относили и “грузинскую революцию роз” (2007 г.), и “украинскую оранжевую” (2004–2005 гг.), и “тайландскую революцию орхидей” текущих дней. 2. Второй атавизм — “продукт” эпохи перестройки второй половины 1980-х годов. Речь идет об обычном уже для наших дней исследовательском грехе, характерном даже для строгих теоретических аналитиков (что и говорить о газетных публицистах!) Речь веду о беззаботном “сведе-

нии” социальной революции к политической и наоборот, а нередко – и об элементарном их смысловом отождествлении. Таким образом, в основе этих атавистических грехов лежат две теоретические ошибки: 1) неправомерное смешение типов разновидных революций, а также 2) сведение всего “революционного процесса” к одной лишь фазе его развития.

После **О. Бисмарка** на эти темы многократно высказывались многие и многие видные ученые и известные ученые в политике – представители двух десятков цивилизованных народов мира. Все они, как правило, выделяли по 4–5 бисмарковских “фаз восхождения революции как процесса”. Ниже о четырехфазной революции выскажусь в меру сжато и с вынесением крайне кратких аппликаций к ретроспективным и текущим украинским реалиям. Однако тут же отмечу: в реальной политической истории многих стран революции иногда проходят только три фазы, а в отечественной истории две революции – “хельсинкских языкоправозащитников” и “студенческая на камнях” – вообще были однофазными, а потому мировыми СМИ прозванными “микрореволюциями”. Подлежащими более широкому трех-четырехстадиальному рассмотрению в современной Украине остаются лишь две революции – “оранжевая” и “майдановая”.

Следуя детерминистике общеэволюционного законосообразия, **первой фазой** развития всякой социальной революции считают определенной длительности **период возникновения первооснов будущего общества в недрах старого общества**. Я сюда отношу: 1) первоэлементы новых производительных сил, 2) зачатки новых общественных отношений людей, 3) зародыши новых социальных и политических институтов, 4) новые ценностные ориентации гипотетического мировидения грядущих родоколен, возрастных и политико-элитных поколений, 5) организационно-кадровые элементы будущих общественных организаций и политических партий и др.

Подчеркиваю, все эти **“элементы нового общества в недрах старого общества”** должны самовзрасти стихийно и объектив-

ным образом, не подтолкнутые каким-либо субъективным или внешним фактором. Под этим углом зрения, таким “нерукотворным” предреволюционным материалом для оранжевой революции оказалось лишь стихийно возникшее движение “Львов – Киев” под сленг-лозунгом “За Украину без Кучмы”. Для евромайдановой революции и подобной стихийности не оказалось, – все свелось к “сознательной подготовке организованного взрыва”. А это – уже вторая фаза и иные дали еще завтрашней революции.

Вторая фаза – это уже открытая и постепенно самообнародующаяся **революционная ситуация**, когда, как писал один классик, “в революцию начинают верить даже самые неверующие” [15, 109]. В странах, “созревших для революции”, проявления этой веры бывают двоякого свойства – объективного и субъективного. Переплетаясь и усиливая друг друга, “эти разносмысловые социореволюционизмы – прямо или косвенно – касаются политического государства, готовя или его свержение, или его радикальное преобразование” [26, 96–97].

Объективных да еще позитивных социореволюционизмов в “период подготовки” оранжевой революции почти что не было. Поэтому и сама революция априори оказалась “переворотом сверху”. Но то стало явью и истиной позже. Лидерские группы еще будущей революции заранее “взяли ориентир” на субъективацию “подготовительного процесса” под эгидой движения “За У – за Ю” (“За Украину – за Ющенко”). По логике вещей, позитивы и негативы созревшей революционной ситуации объективно должен был взять на себя – не для всех прозрачный – контрагент протекавшего тогда политического процесса. Им оказался **Л. Д. Кучма** во главе легитимного реформаторского политкума страны.

Не многим тогда было видно, да и поныне не всем ясной остается одна комплексная политологемная реалья. Вопреки четко скоординированному извне и изнутри давлению (методичное – одного за другим – убиение четырех гипотетических кандидатов в президенты; нагнетание информационной во-

йны по поводу исчезновения **Г. Гонгадзе** и мифических “пленок” **Н. Мельниченко**; геополитическая истерия вокруг “незаконных поставок” Ираку новейшего на то время вида вооружений — “кольчуги” и т. п.), — вопреки всему этому **Л. Д. Кучма** все предреволюционное десятилетие обдумывал варианты “мягкого взрыва” грядущей революции. (“На след” этой реформациологической политологии я напал еще летом 1999 г. [6]).

В монографиях “Про найголовніше” (1999 г.), “Вірю в український народ” (2000 г.), “Україна – не Росія. Повернення в історію” (2004 г.), в законопроекте “Про внесення змін до Конституції України” (2003 г.), в ежегодных посланиях парламенту и обращениях к народу, в юбилейных выступлениях по случаю очередной годовщины политико-государственной Независимости Украины, в ряде статей, посланий и интервью указанных лет **Л. Д. Кучма**, по сути, изложил добротным и продуманным *систему реформ*, главным образом, в политической, экономической и этноисторической сферах общественной жизни, — реформ, долженствовавших самоорганизовать деструктивы грядущей революции и обеспечить ее “плавное” перерастание в социумосозидательную фазу революционного процесса.

Если непредвзято вдумываться, можно обнаружить скрытую от глаз праксеологему: над сегментами, конструктами и “детальями” той системы работали и поныне работают кратологические, общественно-активнические и легитимные политикунные группы профессионалов с тех пор искусственно революционизированной страны.

Из той системы я вырываю лишь *три концепта*, которые касаются, главным образом, реформы политической сферы. Без пространственных комментариев лишь назову следующие реформациологические концепты. Это:

1) *Коррекция формы политического государства*: парламентская республика с двухпалатным парламентом. Тут-то, как в концепции “русской матрешки”, из недр “большой идеи” про верхнюю палату (“палату регионов”) вышли две партологические идеи “помельче рангом”: а) идея *всестрановой ре-*

гионалистской партии (здесь содержится и генезис “партии регионов” **Н. Я. Азарова**), и б) идея региональной этнополитической партии (последняя принадлежит автору статьи [9, 223–224]).

2) *Противоречивое единство и борьба политических властей*. В подлинно демократическом обществе политическая власть — *“единое древо”* с тремя или четырьмя ветвями: в конституционно-монархической (например, в Речи Посполитой 1569–1795 гг.) и президентской (например, в Украине 1996–2004 и 2010–2014 гг.) моделях политического правления страной — четыре ветви, а в парламентско-президентской модели — три ветви. Парадокс состоит в том, что даже при номинальном перемещении власти конституционного монарха и президента парламентской республики в политикунном квадрате с первого места на второе *кратологическая система* (иначе: *система политического властвования в стране*) при сильных личностях и президента, и премьера очень будет напоминать средневековую деспотию на Ближнем Востоке (например, времен Великого Халифата): при живом султани-отце гипотетическая власть единственного взрослого сына котировалась в стране первой, а не второй и величины, и силы, — взрослые жители ориентировались на харизмы и отца, и сына.

О себе — двумя ситуативными штрихами. Раздумывая в координатах этих теоретических коллизий, в начале 1990-х годов я попытался сформулировать *основной закон политической науки* как целостного теоретического феномена. Как по мне, этот научный закон состоит в “компетентно-полномочном и конституционно-взвешенном *разделении* политических властей и сбалансированном *распределении* политических полномочий властей в правовом государстве...” [7, 151–152].

Второе “открытие для себя” состоялось в начале 2000-х годов. Сопрягая указанные концепты: а) о количестве политических властей в разных моделях формы правления страной и б) о соотношении нерядоположенных понятий “разделение политических

властей” и “*распределение* полномочий политических властей”, я сформулировал тогда понятие “*кратологического квадрата*”, а на его контурах основал концепцию новой социогуманитарной науки — *политической кратологии* [7, 262, 517], работу над которой продолжаю.

3) В парламентарологическом разделе политической науки — чрезвычайной значимости коррекция: вместо расплывчатой “парламентской партийной коалиции” — четкое “*парламентское большинство*”. Его роль беспрецедентна: оно и формирует правительство, и политически отвечает за него. Какого характера и типов окажется само правительство (однопартийное, коалиционное, временное, техническое и т. п.), подскажет конкретная постэлекторальная ситуация. Однако, во всяком случае, за судьбы и эффективность работы любого правительства отвечает парламентское большинство.

Указанными “тремя китами кучмовской политической реформы” (**А. Квасьневский**) революционная ситуация была смягчена. Искусственно сколоченный на иностранные деньги Майдан [1] формотворческой, революционизирующей роли не сыграл. Он был скомпенсирован: а) публичным отказом **Л. Д. Кучмы** от “силового сценария”; б) довольно гибким иностранным посредничеством и в) “последним словом” Верховного Суда, который — не правовым, а политическим решением, — возвел **В. А. Ющенко** на пьедестальную каденцию.

Названные обстоятельства и факторы превратили *фазу политической революции* в некое малозаметное “пунктирное событие”, невнятно растянувшееся во времени и пространстве. Сердцевинный вопрос этой центральной фазы всякой революции — вопрос о *политической власти* — был распылен в сети аморфных акций, а то и вовсе оказался потонувшим в писсибилистском ничегонеделании. В самом деле, каковы же тут, в политической сфере, “радикальные революционизмы”? 1). Модель Конституции от 8 декабря 2004 г., как уже публично отмечал **Н. Я. Азаров**, “була дарована попередніком”. 2). За пять каденционных лет волонтарно смени-

лось пять правительств и две парламентские легислатуры. 3). Стать лидером и страны, и неприрученного политикума Президенту так и не удалось, — и ему объективно пришлось играть вторые роли взрослого сына султана-отца. 4). Главная правопатриотическая “партия революции” (“Наша Україна”) к концу каденции ушла в небытие...

В детерминистскую силу всех этих и других факторов, причин и обстоятельств последняя да и самая ценная для судьбы взбудораженной страны *реформационно-созидательная фаза революции*, — незаметным со стороны образом, — фактически не начавшись, стала “катиться под откос”. В самом деле, оглянемся в ретроспекцию: а) разномастные элитные фаланги бывшей политической армии революции (известной миру под сленгом “любі друзі”) разухабисто стали распродавать страну: надднепровский чернозем — японцам “за невыпущенный нами в атмосферу дым”, уникальный в мире “Криворожсталь” — транснациональным монополиям “за безцінну підтримку у майбутньому”, беспримерные в Европе урановые руды — Дяде Сэму “за дружбу” и т. д.; б) объявленные весной 2005 г. три-четыре давно стучавшиеся в дверь реформы (да еще разрекламированные под бравурной триадой “патриотизм — профессионализм — развод политической власти и приватного бизнеса”) уже к лету того же года так и остались “декларацией в пустой эфир”; в) инициированные “кем-то и откуда-то” “газовые” и “торговые” войны с Россией и Центральной Европой обессиленную страну вконец откинули и “во внутренний экзил”, и в латентную дрему...

Однако мыслящим головам в стране и за ее пределами все ясней становилось, что в какой-то (вероятно, довольно близкой) перспективе целиком возможна новая (очередная) революция. Да еще, судя по многим предварительным признакам и чертам, — возможно, “не очень похожая” на ранее происходившие в других странах революции... Уже с первых месяцев 2010 г. стала начинаться новая *революционная ситуация*. Специфика момента проявилась в том, что деструктивы стали последовательно проявляться в трех-

четырёх смежных сферах общественной жизни страны [9, 277]:

• **Политическую сферу** стало заметно “трясти” сразу же по окончании кампании президентских выборов от января 2010 г. (“волнообразные” проявления недовольства по поводу “недостатков” и “недочетов” при подсчете голосов; идейно-информационное баражирование фактов взятия под стражу, затем — и судопроизводства над экс-Премьеркой и экс-министром внутренних дел). На некоторые “волнительные негативы” указывали и итоги парламентских выборов от октября 2012 г. Заметное — и симптоматическое — оживление революционных настроений произвели квазиатаки на парламент символически экипированных групп “афганцев” и “чернобыльцев” в мае 2012 г. Практически вся страна пришла в хаотическое этносоциополитическое движение после “молниеносно” принятого парламентом 3 июля 2012 г. пресловутого “языкового закона”. И т. д.

• **В экономической сфере** “предварительные революционизмы” наиболее рельефно стали проявляться вокруг вопроса о “первоочередных реформах по модернизации жизни страны” (март 2010 г.). Правительство **Н. Я. Азарова** из комплекса в 21 “социальную реформу на длительную перспективу” внеконтекстно вырвало шесть реформ, якобы “сулящих наибольший народнохозяйственный и общественно-политический эффект”, — налоговую, пенсионную, образовательную, продовольственно-ценовую, медицинскую и коммунально-бытовую. Однако общество недопоняло аргументы правительства и... пришло в движение. Основными социально-экономическими компонентами последовательно нараставшей революционной ситуации оказались трехдневные сидения “налогового Майдана” (май 2010 г.), “кастриальная демонстрация” киевских женщин (середина октября 2011 г.), манифестации и шествия военных и чернобыльских пенсионеров (в феврале и июне 2012 г.) и др.

Три, расположенные по горизонтали, — духовная, этноисторическая и культурная — сферы [9, 277] в революционную ситуацию наиболее ощутимым образом включились

в первой половине 2012 г. (с февраля по июнь). Первоимпульсами для общественно-политического оживления оказались три “парламентские слушания” того полугодия по обсуждению вопросов образования, науки, культуры и этнических языков. Наиболее активными носителями “революционных настроений” проявили себя столичные студенты и немногочисленные элитно-интеллектуальные представители региональных этнонациональных меньшинств. Основными формами их предреволюционной активности были демонстрации, лежачие “флеш-мобы” и блокады министерств культуры, образования и науки. С ноября 2012 г. своеобразным увенчиванием всестрановой революционной ситуации явилась серия “шествий по областным центрам” группы новоизбранных депутатов центрального парламента, более года после того проведенных под кличем “По-встань, Україно!”

29 ноября 2013 г. провал — по инициативе легитимных Президента и Премьера — церемонии подписания Соглашения об Ассоциации Украины с Евросоюзом явился “точкой перехода количества в качество”: революционная ситуация резко и мотивированно переросла в **политическую революцию**. С тех пор и до конца февраля 2014 г. все отряды, прослойки и секции политической армии революции по-своему решали **вопрос о политической власти**: ее характер и содержание, структура и конституционный статус ветвей власти, переструктурирование парламента и формирование нового правительства. Новые власти достигают первых успехов и совершают первые ошибки. Страна в хаотическом движении.

Однако, “главного перехода” процесса развития в **социумореформациологическую фазу** не состоялось: как нередко случалось и прежде в политической истории других стран, народов и государств, креативно-преобразовательные интенции **политико-властной фазы развития** контрреволюционными (внутренними и внешними) силами были встречены в штыки. Перед украинской евромайдановой революцией встала пока неодолимая, но закономерная задача всякой ре-

волюции — задача защиты уже завоеванных креативных рубежей.

VI. Заключительные рефлексии с полей незавершенной революции и неначатых реформ

Всесферная, не только политическая, история народов, стран и государств — это перманентное круговоротное взаимодействие двух динамичных импульсов — “вызова” и “ответа”. В аппликации к моей теме эту концепцию **А.-Дж. Тойнби** и **Л. Н. Гумилева** формулирую синтезую: всемыслимые человеческие субъекты — индивиды, группы, партии, сообщества, народы, всевозможные общности и др. — интерпретируют те “вызовы” и “ответы”, как правило, в двух формах — в формах революции и реформы.

К революционной форме социальных преобразований люди апеллируют довольно редко, а реформами занимаются перманентно. Основной же результат революционно-реформационной повседневной деятельности людей — конкретные модели и уровни социального прогресса, к которому стремились и которого объективно заслужили соответствующие субъект-деятели исторического процесса в конкретной стране. В этом смысле, как считает британский революциолог **Дж. Уоддис**, социальный прогресс “есть медалевое содержание исторического процесса, а революция и реформа — две стороны той медали” [22, 471].

Глядя на социально-политические результаты украинской политико-оранжевой “модели модернизации страны” (“модель” легитимирована в марте 2005 г.), в адрес любой из правительственных команд 2005–2009 г. вряд ли что-то восхитительное скажешь в тоне шекспировского героя: “Ты хорошо роешь, старый крот!” Оглядываясь же на творимый на наших глазах “евромайдановый образ” страны начала весны 2014 г., — охотней поверишь негативизму **Ж. Жореса**, адресованного “отдельным революциям”, которые являли собой “непридуманный образец одного из варварских способов обеспечения прогресса” [10, 218]. Это происходит, возможно, оттого, что на нынешнем этапе евромайдановая революция являет

собой незавершенный, еще свершающийся феномен.

Образ незавершенной реформами революции впервые проанализировал **К. Каутский** в эпизодической (так и не законченной) статье “Славяне и революция” в конце XIX ст. Интересен особенно его компаративный момент: он сравнивал этот социально-политический феномен с психолого-литературным явлением “незаконченного романа” в русской классической литературе XIX ст. (**А. Пушкин**, **М. Лермонтов**, **И. Тургенев**). Самый по себе теоретический концепт **Каутский**, — правда, очень уж пунктирно, — объяснял тремя “неизвестностями неизвестного завтра”: мол, 1) уже сегодня не известны “мера тверди” основ только что победившей политической революции, 2) “в тумане пребывают” гипотетические метаморфозы элитных групп уже сегодня “рыхлой, пребывающей в эйфории” политической армии вчерашней революции и 3) “даже в принципе” не видны “пунктиры завтрашней внутренней и внешней политической обстановки” [13, 88–89].

К сожалению для себя, вынужден согласиться с подобной аксиологией и гипотетологией касательно сугубо нашей текущей внутри- и геополитической ситуации. А потому обращаюсь к другим вариантам рассмотрения концепта “незавершенной революции/реформы”.

Одним из вариантов, обращенный почти целиком к “внутренним ресурсам” всякой революции и реформы, может быть “*слитая двусторонность*” тех ресурсов. Она тут выступает в форме *диалогии “народ – власть”*. Вариант можно воплотить в две проективы: а) *двусторонняя медаль* и б) *двустороннее зеркало*.

В реально протекающем процессе социальных преобразований *одну сторону медали* объективно представляет преобразовывающийся *народ*, а *другую сторону медали* представляет политический субъект-преобразователь — элиты и легитимные (народом избранные или делегируемые им на власть) *властные структуры*. Оглянемся чистым глазом на эту медаль. В бесконечно позорных ситуациях, когда и народ, и властные чинов-

ники всех иерархий дают/берут взятки; на всевозможных выборах продают/покупают голоса (программы, идеи и др.); все формы политического участия и демократического волеизъявления, учеба и наука, медицина и санитария и т. д. и т. п., — все и вся за деньги и “услугу за услугу”, — при подобной коррумпированности всех и вся можно ли говорить о “народе без укора” и о “власти без пятнышка”, о “чистой народной революции” и о “безукоризненном воплощении властями народной воли в реформациологические проекты”? А уже все это говорит о том, что обе стороны той медали безнадежно замутнены, а то и вообще стерты. Во всем этом — “бездонный ресурс” откладывания “на потом” любых преобразовательских проектов, светлых революционных/реформационных — тоже.

В более шадящем плане медалевая метафора проецирует свой образ на инверс двустороннего зеркала, когда одна сторона адекватно отражает параметры проецируемых предметов, а другая сторона резко искажает все изображения. В этой проективе **одна сторона зеркала** отражает **народ (народонаселение) страны**, перманентно склонный к “вопрошательски-требовательским” отношениям со всеми политикумными лицами и поколениями политического класса, **другая сторона зеркала** отражает фактуру **самого политического класса страны**. Соотношенческие креативы — как на ладони: каковы качественные характеристики революциолого-реформациологических проектов политических властей и в какой мере истинности эти проекты дошли до народа и восприняты им в призме его текущих потребностей и жизненных перспектив, в той же адекватной пропорции стороны зеркала отражают результаты модернизационных сдвигов в стране.

Так уж повелось в ментальной истории всех зрелых и ныне цивилизованных народов: после мало-мальски крупных социально-политических событий общественное сознание некоторое время отдает аксиологической работе ума, — в попытках адекватно истине ответить на сакраментальные вопросы “Кто виноват?”, “Что делать?”, “Когда же

наступит светлый день?” Ежели кто спросит себя/меня, почему такая “правильная, по-европейски подготовленная” евромайдановая революция (два года призывали страну к восстанию!) привела к таким неоднозначным последствиям, я не буду ждать суда наследников и прямо сегодня отвечу, ссылаясь на **Н. В. Гоголя**: “Неча на зеркало пенять...” Ибо же, иначе говоря, выходит так: каков народ, — такова **его социальная революция**; какова **его политическая элита**, — таковы **ее политическая революция** и **затемаемые ею социальные реформы**. Вот такая выходит прямолинейная детерминация.

В силу изложенного дополнительно спросим себя: возможно ли повторение в завтрашней Украине логики развертывания по горизонтали **триадного цикла “недоделанных” социальных преобразований: “незавершенная социальная революция – невнятно обставленные социальные реформы – новая рыхлая политическая революция”**? Относительно внутренней стороны революционно-реформациологического процесса в стране я только что уже ответил (см. выше “медалевые” и “зеркалевые” розмыслы): увы, повторения возможны...

Куда менее прогнозируема внешняя сторона концепта. Боюсь прослыть остракируемым коллегами прогнозистом, но отмечу: более четверти века тому назад (1987 г.) я уже отвечал на этот вопрос (хотя и не в аппликации к Украине). Ответ был таков: “Развитие всякой революции “по новому кругу” возможно в той стране (или части ее), которая подверглась внешней интервенции, оккупации и временной реставрации старых порядков, то есть при концентрированном воздействии на нее ряда отрицательных внешних и внутренних факторов” [4, 65]. Про далеко не фигуральные концентрации открыто контрреволюционных внешних и внутренних факторов на некоторых перифериях сегодняшней Украины (на что ненароком намекает и моя давняя цитата), тут я обойдусь фигурой умолчания.

А пока что основную сюжетную матрицу изложенного материала завершу перифразом одесской пословицы прошлых времен: не дай

нам, Боже, и дальше жить в стране объективно незавершенных революций и субъективно недопродуманных реформ!...

Литература

1. Березовский Б. Мой Майдан Незалежности. — К.: БУИ, 2007. — 208 с.
2. Брайович С. М. Карл Каутский: эволюция его воззрений: Пер. с серб.-хорв. — М.: Прогресс, 1982. — 308 с.
3. Бузина О. Революция на болоте. — К.: Арий, 2010. — 288 с.
4. Варзарь И. М. Соотношение внутренних и внешних факторов в процессе развития социалистической революции. Теория и методология проблемы в свете ленинизма. — К.: Вища шк., 1987. — 270 с.
5. Варзарь І. М. Політична етнологія як наука: історіологія, теорія, методологія, праксеологія. — К.: Школяр, 1994. — 224 с.
6. Варзарь И. М. Идеино-теоретические основы государствосозидающей политики Л. Д. Кучмы (Научно-публицистические очерки о Президенте Украины). — К.: Українські пропілеї, 1999. — 148 с.
7. Варзарь І. Держава і народ-етнос в політологічному дискурсі / Вибране. — Кн. 1. — К.: Фада-Лтд, 2003. — 592 с.
8. Варзарь І. М. Проблема співвідношення етно-історичної нації, політичної нації та політичного класу в історії політичної думки Європи Нового та Новітнього часів: теоретико-історіологічні синтети // Наук. часопис НПУ ім. М. П. Драгоманова. — Серія 22: Політ. науки та метод. викладання соціально-політ. дисциплін. — Вип. 1. — К.: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2009. — С. 22–38.
9. Варзарь І. М. Політична етнологія: Пропедевтичний курс. Авторський підручник. — К.: Персонал, 2011. — 354 с.
10. Вебстер Х. Неста. Всемирная революция. Заговор против цивилизации: Пер. с англ. — К.: Серж, 2001. — 290 с.
11. Декарт Р. Избранные произведения: Пер. с франц. и лат. — М.: Мысль, 1950. — 486 с.
12. Кареев Н. Историология (Теория исторического процесса). — Пг.: Тип-я М. М. Стасюлевича, 1915. — 318 с.
13. Каутский К. Путь к власти. Политические очерки о вращении в революцию: Пер. с нем. — М.: Госполитиздат, 1959. — 150 с.
14. Кучма Л. Про найголовніше. — К.: АТ "Книга", 1999. — 351 с.
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Т. 20. — М.: Политиздат, 1969. — 468 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 21. — М.: Политиздат, 1969. — 710 с.
17. Ницше Ф. Веселая наука: Пер. с нем. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. — 576 с.
18. Політична опозиція: теорія та історія, світовий досвід та українська практика / Відп. ред. І. М. Варзарь. — К.: Реклама, 1996. — 224 с.
19. Проект Закону України "Про внесення змін до Конституції України". — На всенародне обговорення. — К.: Преса України, 2003. — 76 с.
20. Рассел Бертран. Власть. Новый Социальный Анализ: Пер. с англ. — К.: Стэп-К, 1996. — 224 с.
21. Скригонюк М. Плебсологія як філософсько-правове вчення. — К.: ПАРАПАН, 2008. — 764 с.
22. Уоддис Д. "Новые" теории революции: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1975. — 528 с.
23. Чубинский В. Бисмарк. Биография. — СПб.: Образование — Культура, 1997. — 528 с.
24. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. — В 4-х т.: Пер. с нем. и англ. — Т. 2. — М.: Наука, 1967. — 408 с.
25. Landes D. Richesse et pauvreté des nations. — P., 2000.
26. Skocpol T. États et revolutions sociales. — P., 1995.

Концептуально, а не емоціонально, інтерпретирована несколько призабытая с советских времен проблема диалектического соотношения социальной революции и социальной реформы в процессе цивилизационной модернизации страны. Центральная и формообразующая мысль статьи: революция и реформа — не целесообразные средства борьбы за политическую власть, а политические способы организации социальных преобразований. Революция и реформа исследованы в качестве определенно длительных процессов, а не мимолетных актов и ситуативных эпизодов. Из некоего, условно взятого, цикла революций и реформ, апробировавшихся в суверенной истории Украины, для более пристального анализа взяты глубинные политические реформы конца XX — начала XXI вв. и экономические реформы начала 2010-х годов, а также краткостадийные оранжевая и евромайдановая революции, — что бы о них ни говорили легкие на слово публицисты и заангажированные оппоненты.

Диалогія “революція — реформа”, як теоретичний концепт, давно вже покинула сторінки наукових праць. Попри те, на поверхні поточної політичної практики ця диалогія “опредмечується” таким неврозумливим чином, що Україна опинилася у фокусі найалармістських світових подій сьогодення. У статті соціальна революція та соціальна реформа розглянуті не як доцільні “інструменти” у процесі чиеїсь боротьби за політичну владу, а як політичні засоби організації усемисливих соціальних перетворень в усіх сферах і галузях суспільного життя країни. В якості “емпіричного матеріалу” для аналізу взято дві пари номітетів з контексту диалогії, — політичні реформи кінця XX — початку XXI ст., а також короткофазні помаранчева революція рубежу 2004–2005 рр. та Євромайданова революція рубежу 2013–2014 рр.

This article, conceptually not emotionally, interprets a problem, somewhat forgotten from the Soviet times, of dialectic correlation of social revolution and social reform in the process of civilizational modernization of the country. The central and morphogenetic conception of the article is as follows: revolution and reform are not efficient means of struggle for political power, while they are political strategies of undertaking the social changes. Revolution and reform are investigated as unequivocally time-consuming processes, not impermanent acts and situational episodes. From any — conditionally taken — cycle of revolutions and reforms, approbated in sovereign history of Ukraine, profound political reforms end of XX — beginning of XXI centuries and economic reforms beginning of 2010th, as well as shortstaged Orange and Euromaidan Revolutions were taken for more detailed analysis, — no matter what the “easy-word” publicists and motivated opponents say about them.

Надійшла 3 березня 2014 р.